

Мальцева Виктория Викторовна

КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ И ТЕЛЕСНОСТИ: ПРОБЛЕМА ГАРМОНИИ

В статье рассмотрены вопросы гармоничного развития человека и его телесно-духовного единства в современном быстро меняющемся обществе. Показана роль и значение тела в гармоничном развитии человека, а также зависимость здоровья и здорового образа жизни от этого развития. Представлена модель культуры телесности, состоящая из трех ступеней - образца, моды и эталона, на каждой из которых формируется телесность и образ жизни человека в процессе его жизнедеятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 122-126. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассмотрены вопросы гармоничного развития человека и его телесно-духовного единства в современном быстро меняющемся обществе. Показана роль и значение тела в гармоничном развитии человека, а также зависимость здоровья и здорового образа жизни от этого развития. Представлена модель культуры телесности, состоящая из трех ступеней – образа, моды и эталона, на каждой из которых формируется телесность и образ жизни человека в процессе его жизнедеятельности.

Ключевые слова и фразы: телесность; культура телесности; здоровый образ жизни; гармония; трансгуманизм.

Мальцева Виктория Викторовна*Северо-Кавказский федеральный университет**vika.m2308@gmail.com***КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ И ТЕЛЕСНОСТИ: ПРОБЛЕМА ГАРМОНИИ[©]**

Современные исследования, в которых, так или иначе, затрагивается проблема телесности, показывают нетождественность понимания телесности в различные исторические и культурные эпохи. Обращает на себя внимание то, что до сих пор является обсуждаемым, и не до конца прояснен вопрос о соотношении двух аспектов человеческого существования – духовности, как специфической характеристики бытия человека, и его телесности, особенно в условиях современного развития высоких технологий.

Еще со времен античности человек стремился к гармонии, к правильному соотношению внешнего и внутреннего. Античный идеал человека – *калокагатия* («прекраснодоброе») – отразился на древнегреческом понимании образования как тренировки тела («гимнастическое воспитание») и воспитания души («мусическое воспитание»). Троица истины, добра и красоты гармонизирует все стороны личности – разум, эмоции и тело, делая человека целостным и совершенным. Однако, несмотря на древний рецепт, достижение гармонии, целостности и совершенства человеком по-прежнему актуально, но оно лишь перспектива. При этом развитие современной науки, показывающей многокомпонентную природу человека, словно отодвигает достижение этой гармонии все дальше. Как мы видели из истории интереса к телесности, излишняя озабоченность одним из аспектов человеческого существования приводит к наибольшей дисгармонии, как, например, христианская ориентация на духовность в ущерб телесному.

Хочется отметить, что обращаясь к современному состоянию проблемы, мы сталкиваемся с не менее удручающей ситуацией. Значение тела очень высоко, тогда как роль его значительно снижается вплоть до призывов соединить тело с машиной или избавиться от него вовсе в контексте проблемы кибернетических организмов. А такие явления, как, например, распространение моды на пирсинг или разного рода медицинские манипуляции телом, по мнению В. А. Кутырева, подготовительный этап, апробация будущих перспектив наиболее результативного взаимодействия человека с машиной, или возможностей внедрения чипов в человеческое тело. «Глядя на эти процессы, дополняемые искусственной имитацией все большего числа органов, можно сказать, что в эпоху постмодернизма тело в самом деле находится в центре внимания. Однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации» [9, с. 23]. Кутырев утверждает, что сущностью нынешней цивилизации выступает идея рациональности в двух проявлениях: Логос как разумное содержание мира, доступное человеческому познанию (слово, мысль, разум, правило, закон) и эффективное, целенаправленное действие, которое является рациональным ввиду достижения нужного результата посредством адекватных затрат [10]. Г. Л. Тульчинский утверждает, что традиционная рациональность отрицает гармонию, сеет омертвление живого абстрактными схемами, требующими для своей реализации принудительного внедрения [16].

Здесь имеет место явление, которое Б. Г. Юдин называет «предельная или пограничная ситуация». Признавая, что это понятие междисциплинарное – ситуация когда мы оказываемся между двумя средами – и используется в разных, в том числе и естественнонаучных, направлениях, Юдин указывает, что применительно к человеку предельная ситуация представляет собой грань между собственно человеческим существом и тем, что таковым не является. Одна из центральных пограничных ситуаций относительно человека для Юдина – зона между человеком и машиной, взаимодействие и взаимопроникновение человека и машины друг в друга. Важно, что изначально развитие технологий и вообще науки в этом ключе было подчинено идее излечения человека. Однако на сегодняшний день, эту идею подменяет новая – идея улучшения человека. Юдин упоминает такое течение как экстопия, оформившееся в рамках трансгуманизма. Его сторонники уверены, что индивидуальное человеческое существование возможно продлить до бесконечности, а также, что это дело не такого уж и далекого будущего, что ныне живущие люди смогут дожить до того времени, когда можно будет воспользоваться подобными технологиями [20].

Конечно, речь идет снова о постчеловеке, очевидно, лишенном большинства своих изначальных биологических характеристик, лишенном привычного для нас человеческого тела. Дисгармоничность развития человека

от этого только возрастает. Если преодоление картезианского дуализма ставило задачу объединения души и тела, то телосцентризм вообще «забывает» про духовность. Человеческое тело, в широком смысле этого слова, – есть основа душевной жизни. Тело оказывает влияние на душевное начало, которое, в свою очередь, воздействует на тело силой воображения, чувствами, аффектами, настроениями. Для человека его собственное тело как синтез телесного и духовного оказывается центральным объектом переживаний, наглядным воплощением его Я, по аналогии с которым он образует свой образ человека и мира. Телесность человека является естественным субстратом духовных процессов. Разговор о духовности посттелесного человека, чьи мысли и воспоминания переписаны в чип, а чип вставлен в самодвижущееся тело, представляется нам просто абсурдным.

В. В. Бычков отмечает, что понятие духовности изгнано из современной культуры постмодернистским искусством и философским постструктуралистским дискурсом. Все это выдвинуло, в последней трети столетия, на первый план понятия телесности, гаптической, сексуальности, вещи, вещности [3].

Духовный человек – это индивид, обладающий сильным духом, свободный от суеты, страха смерти. Это человек, сочетающий покой со сверхчувствительностью, способный понять другого, понять сущность явлений. Духовный человек характеризуется душевностью, открытостью для людей, любви, самосовершенствования, благородных поступков. Смысл своей жизни он видит не в обретении какой-то эфемерной индивидуальности, не в самоутверждении, а в общественно-полезной деятельности: принося пользу ближним и дальним людям, созидая (материальные и духовные ценности). При этом он, естественно, вынужден преодолевать себя, вынужден управлять собой, то есть совершенствоваться (физически и духовно) [14]. Плодотворная деятельность способствует обретению им индивидуальности, даёт ощущение удовлетворения своей жизнью, и в целом – гармонию.

Ценностное, а не потребительское отношение к телу формируется по мере развития культурно детерминированной способности к переживанию конечности индивидуальной жизни [17]. Конечно, ввиду забрезжившей перспективы бессмертия в посторганическом теле, потребность в настоящем теле как бы отпадает, ценность его снижается. Однако, и это очевидно, разве останется человек собственно человеком в общепринятом смысле? Вероятно, нет. И это тот факт конечности не просто индивидуальной жизни, а жизни всего человечества, который еще предстоит осмыслить, а, следовательно, и вернуть телесность в разряд ценностей. По мнению Л. В. Жарова, духовное начало в человеке произрастает только на основе усвоения определенных традиций телесной культуры [6]. «Духовность» не противоположна «телесному», а означает его преображение, достижение высшей качественности целостного человека [5]. Связь между телесной культурой и духовно-нравственной сферой носит взаимообразный характер. От гармоничности этой связи, в свою очередь, зависит важнейшая характеристика человеческого существования – его здоровье. Не только здоровье зависит от духовно-нравственной составляющей, но и последняя зависит от состояния физического здоровья.

Феномен здоровья и болезни является типичной жизненной ситуацией человека. А. В. Горбань, с позиций социально-философского анализа, рассматривает болезнь как форму реализации человеческой телесности, ограничивающую свободу самосуществования. Здоровье – такая форма актуализации телесных потенциалов, которая обеспечивает максимум возможностей для самоосуществления человека [Там же].

Здоровый дух, как указывает М. З. Воробьев, это дух, который развил свой потенциал. Беда современной цивилизации в дисгармонии, которая расцветает внутри нас самих. Если есть духовная жизнь, есть и гармония с окружающим миром и, следовательно, здоровье. Духовная жизнь, по мнению Воробьева, выражается в развитии скрытых, ущемленных системой социума возможностей человека, в том числе и телесных [4].

Найти гармонию телесности и духовности современному человеку становится все сложнее. Эту проблему может помочь решить рассмотрение телесности с позиций культурно-временного подхода, который дает возможность осмыслить проблему с точки зрения диалектико-триалектической парадигмы. Культурно-временной подход также дает возможность построить модель культуры телесности, которая представляет собой противоречивый феномен: с одной стороны идет восхождение обыденного сознания (повседневности) к теоретическому (современности), с другой наблюдается противоположный процесс – деградация. Формы и уровни культуры телесности на пересечении проекций вертикали и горизонтали дают нам ступени культуры телесности: образец, моду и эталон [11].

Первая ступень культуры телесности – *образец*. Это ступень онтогенеза телесности, перестройки природно-заданных телесных функций в культурно-обусловленные, адаптации человеческой природы к социальной среде. На ступени образца также происходит познание собственной телесности и телесности других, а также сама телесность формируется как инструмент познания.

Формирование телесности происходит посредством общего образования в процессе учебной деятельности, профессиональной специфической и социальной практиками, в результате религиозного структурирования личности, духовного и творческого саморазвития. Уровень образования телесного реализуется через целостность сознания, личностные и эмоциональные проявления, утилитарно-прикладную деятельность, биологическую и социальную активность, творческие и волевые акты [18]. Параллельно развитию знания о собственной телесной организации идет духовный процесс, человек лишь посредством этого знания обретает самого себя, свое самосознание [7]. Феномен духовности актуализируется в самосозидании, формировании телесных канонов и интуиций [17].

Человек, наделенный телесностью, наделен тем самым как свойством объекта со своим ментальным опытом, культурой и т.п., так и свойством субъекта с полнотой собственного телесного опыта. Постигание себя предполагает осознание своей пространственной организации и временной ограниченности. А ощущение обладания оригинальной телесностью, наряду с осознанием себя, дает временной контекст понимания собственного бытия, невозможного без осознания различных внешних воздействий. В жизненном пространстве, таким образом, участвуют два мира – мир моей телесности и мир других тел, схожих с моим [19].

Элементы *моды* либо какие-то неустойчивые образцы телесных практик постоянно встраиваются в модель телесности, однако, они не могут оказывать на нас такого влияния, как древние телесные каноны. Как указывает В. А. Подорога, мы обретаем собственное тело, а с ним и каноны идеальной формы, выбранной за нас историческим Другим. Мы признаем эту форму эталонной еще до того, как смогли ее увидеть, или узнать о ней [12]. Это и есть эталон культуры телесности, который играет роль идеального тела, вневещественного, погруженного в вечность.

Гармония культуры телесности и духовности на ступени *образа* выражается в личном выборе образа жизни. На этапе *образа* формируется индивидуальное соматическое здоровье как основа программы индивидуального развития, основанная на базовых потребностях, доминирующих на различных этапах онтогенетического развития [13].

Вторая ступень культуры телесности – *мода*. С одной стороны она включает индивидуальное поведение, телесную саморегуляцию, телесную самореализацию, а с другой – коллективную деятельность человека как цивилизационного субъекта. Это поведение, эта деятельность плавно вытекает из первой когнитивной ступени, из *образа* культуры телесности. На этапе *моды* здоровый образ жизни формирует, с одной стороны (индивидуально), психическое здоровье – состояние психической сферы, в основе которого лежит наличие общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную поведенческую реакцию. Это состояние определяется биологическими и социальными потребностями, а также возможностями их удовлетворения [Там же].

С другой стороны (коллективно), формируется социальное здоровье, которое представляет собой «детерминируемый индивидуальными особенностями и социальной ситуацией развития и жизнедеятельности феномен отношения личности с социальной средой, характеризующий ее удовлетворенность социальным статусом, готовность и способность конструктивно и социально полезным образом реализовывать собственные потребности, цели и ценности посредством взаимодействия с другими людьми, социальными группами, общностями и социальными институтами» [1, с. 66].

Третья ступень культуры телесности – *эталон*, служащий для самооценки и самоконтроля телесности. По сути, *эталон* служит аксиологической основой культуры телесности. По мнению В. И. Коробко и Г. Н. Коробко, телесная организация человека, как и организация всего живого на планете, подчиняется закономерности золотой пропорции, золотого сечения. Гармония человеческого тела всегда привлекала взгляды мыслителей, художников, скульпторов и др., что стало движущей силой к поиску оснований этой гармонии. Так были описаны основные телесные каноны, найдены различные числовые пропорции, в том числе золотое сечение [8].

И если плоть, как замечает Соловьев, это не владеющее собою бытие, обращенное наружу, оно расплывается во внешности и кончается реальным распадом, то дух определен внутри, одна из его характеристик – самообладание [15]. С телесностью все обстоит именно так же. Телесное самообладание – признак высокоразвитой гармоничной телесности. В целом, телесно-духовное самообладание, а также ценностное отношение к своему телу формируют нравственное здоровье. Таким образом, эталон культуры телесности являет собой высшее гармоничное состояние телесной и духовной сфер, выражающееся в нравственном здоровье человека.

На протяжении развития человечества создавались специализированные социокультурные практики по преобразованию, оздоровлению и развитию телесных качеств человека, а также по совершенствованию духовности, морально-нравственной составляющей человеческого существа. Феномен культуры телесности является тем пространственно-временным образованием, в котором и достигается гармония телесности и духовности. Формирование культуры телесности происходит в социокультурном пространстве привития человеку и развития у него здорового образа жизни, следования человеком правилам и принципам здорового образа жизни.

Список литературы

1. **Бабинцев В. П., Колпина Л. В.** Проблема формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. Т. 12. № 5. С. 49-67.
2. **Бердяев Н. А.** Дух и реальность. Серия: Philosophy. М.: АСТ-Фолио, 2006. 680 с.
3. **Бычков В. В.** Постнеклассическая эстетика: к вопросу о формировании современного эстетического знания // Философский журнал. 2008. № 1. С. 90-108.
4. **Воробьев М. З.** Психосоматика в культуре личности и социума (теоретическое обоснование роли и места) // Телесность человека: междисциплинарные исследования: сб. науч. статей. М., 1993. С. 3-7.
5. **Горбань А. В.** Здоровый образ жизни как объект познания (социально-философский анализ) // Культура народов Причерноморья. 1999. № 10. С. 142-146.
6. **Жаров Л. В.** Двадцатилетний опыт изучения проблемы человеческой телесности (взгляд врача и философа). Актовая речь. Ростов-на-Дону, 2001. 18 с.
7. **Кассирер Эрнст.** Философия символических форм. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. Мифологическое мышление. 280 с.
8. **Коробко В. И., Коробко Г. Н.** Золотая пропорция и человек. М.: Издательство Международной ассоциации строительных вузов, 2002. 394 с.
9. **Кутырев В. А.** Философия трансгуманизма: учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т, 2010. 85 с.
10. **Кутырев В. А.** Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Смоленск, 2006. 301 с.
11. **Мальцева В. В.** Культура времени как методологическая основа философии телесности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 126-129.

12. Подорога В. А. Полное и рассеченное // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2007. С. 67-138.
13. Рагимова О. А. Теоретические основы определения понятия здоровья [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. Вып. 2. URL: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2009-2-9.pdf> (дата обращения: 13.04.2014).
14. Разин А. А. Духовность: сущность, место в обществе, пути достижения // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 3. С. 171-176.
15. Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
16. Тульчинский Г. Л. Вещь и тело как онтофания свободы // Время/время артефактов (Социальная аналитика неправомости). СПб., 2004. С. 44-70.
17. Цанн-кай-си Ф. В., Семенова О. А., Белоусов П. А., Марченков А. А., Мануйлов Н. В. Духовность человеческого бытия / отв. ред. Ф. В. Цанн-кай-си; Владимирский гос. пед. ун-т. Владимир, 1998. 208 с.
18. Цой М. И. К вопросу о формировании новых типов человеческой телесности // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. № 10 (65). Вып. 9. С. 234-238.
19. Шульга Е. Телесность как феномен и элемент менталитета // Телесность как эпистемологический феномен / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И. А. Бескова. М.: ИФРАН, 2009. С. 84-102.
20. Юдин Б. Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 102-118.

CULTURE OF HEALTH AND CORPORALITY: HARMONY PROBLEM

Mal'tseva Viktoriya Viktorovna
North-Caucasus Federal University
vika.m2308@gmail.com

The issues of the harmonious development of the man and his/her corporal and spiritual unity in modern fast-changing society are considered in the article. The role and importance of the body in the harmonious development of the man as well as the dependence of health and healthy lifestyle on this development are shown. The author presents the model of corporality culture consisting of three stages – sample, fashion and standard, at each of them corporality and the man's lifestyle during his/her life activity are formed.

Key words and phrases: corporality; corporality culture; healthy lifestyle; harmony; transhumanism.

УДК 32.7.7:341.1

Политология

В статье рассматривается сложившаяся в регионе Персидского залива система региональной безопасности. Предпринимается анализ инициатив по построению новой системы коллективной безопасности, условий, необходимых для ее эффективного функционирования, и объективных причин, препятствующих этому в настоящее время.

Ключевые слова и фразы: региональная безопасность; угрозы региональной безопасности; система региональной коллективной безопасности; страны ССАГПЗ; иранская ядерная программа; послевоенный Ирак.

Маргынова Лилия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
lil.martynova@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА (ССАГПЗ)[©]

Задача поддержания системы безопасности в регионе Персидского залива значительно усложнилась с турбулентным началом нового столетия. Баланс сил между ведущими игроками в регионе остается чрезвычайно неустойчивым, что вызывает структурную асимметрию и геополитические парадоксы. Согласно концепции классического геополитического треугольника, предложенного К. М. Поллаком, «всякий Ирак, достаточно сильный для того, чтобы сохранять региональное равновесие и сдерживать Иран, будет в состоянии также захватить Кувейт и Саудовскую Аравию» [15, р. 2-16]. Таким же образом, исключение Ирака из уравнения стратегической безопасности в регионе приведет к значительному усилению позиции Ирана – крупнейшего государства в регионе и потенциального обладателя ядерного оружия [9], что не может не вызывать сильнее беспокойства в странах ССАГПЗ. Результатом ослабления Ирака как государства, отмечают некоторые обозреватели, могут стать попытки Ирана расширить сферу своего влияния как в этой стране, так и в регионе Персидского Залива за счет использования совокупных факторов своей военной мощи и политической поддержки шиитов в Ираке и

других странах региона. Так, к примеру, Иран неоднократно оказывал поддержку Объединенному альянсу Ирака – наиболее влиятельной шиитской партии – как в решении политических вопросов, так и в создании новой конституции [22]. Одновременно с этим, подвластная Высшему совету исламской революции милиция Бадр продолжает оказывать активную поддержку шиитам в Ираке от имени Тегерана, несмотря на то, что официальные власти Ирана отрицают любое вмешательство со своей стороны во внутренние дела Ирака.

Вместе с тем, улучшение политических и экономических отношений между Ираном и Ираком воспринимается странами ССАГПЗ и особенно Саудовской Аравией как приносящее ущерб безопасности на Персидском заливе и национальным интересам. Тревогу в арабских нефтедобывающих монархиях вызвало и то обстоятельство, что Соединенные Штаты поначалу выразили осторожную готовность поддержать дипломатическое участие Ирана в стабилизации ситуации в Ираке; инициатива, впрочем, серьезным успехом не увенчалась [7, р. 58-65]. Необходимо отметить также, что США не признали Иран «удобным союзником» ни во время войны в Афганистане в 2002 г., ни во время американской военной кампании в Ираке в 2003. Лишь начиная с 2007 г. – поворотной стала мартовская конференция по безопасности в Багдаде – американцы согласились сесть с представителями Ирана за один стол переговоров.

Еще одним ударом по балансу сил в регионе и национальной безопасности стран Совета сотрудничества стала энергичная пропаганда Ирана успеха инициатив в области развития своих ядерных технологий. Серия официальных заявлений Тегерана в апреле 2006 г. о том, что иранским ученым удалось обогатить достаточное для развития военной ядерной программы количество урана, вызвало сильнейшую тревогу в странах ССАГПЗ. Потенциальная реализация Ираном своей ядерной программы даже в гражданских целях является причиной серьезного недовольства и опасений в нефтедобывающих арабских монархиях, поскольку, во-первых, подобные инициативы в конечном счете могут привести к региональному расколу в контексте владения нетипичными видами вооружений, а во-вторых, могут нанести серьезный вред региональной экологии. С политической точки зрения, значительное охлаждение отношений между Тегераном и западными странами и прежде всего США, яростная критика последних и введение санкций против Ирана как ответ на официальный отказ Тегерана свернуть свою ядерную программу привели к усилению позиций стран ССАГПЗ в регионе. Это, очевидным образом, объясняет тот факт, что заключение в Женеве соглашения между странами «шестерки» (пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН и Германией) и Ираном в ноябре 2013 г. о приостановке ядерной программы последнего и, как следствие, потепление отношений между Ираном и западными странами не вызвали большого энтузиазма у руководства арабских нефтедобывающих монархий, большинство из которых вообще воздержались от каких бы то ни было комментариев по этому поводу.

Еще одной болезненной проблемой региональной безопасности, от решения которой Тегеран уклоняется, является незаконная оккупация Ираном трех островов, принадлежащих ОАЭ: Большого и Малого Томбов и Абу Мусы. Нерешенный территориальный спор между ОАЭ и Ираном препятствует достижению долгосрочного стратегического сотрудничества в области коллективной безопасности между странами, имеющими выход в Персидский залив. Вместе с тем, ОАЭ продолжают следовать стратегии прагматичного разделения своих двусторонних дипломатических, политических и экономических отношений, жестко отстаивая свои исторические и юридически закрепленные территориальные права на владение тремя островами, имеющими стратегическое значение.

Таким образом, перспективы улучшения трехсторонних политических и дипломатических отношений между Ираном, США и странами ССАГПЗ зависят от характера иранской ядерной программы, развития ситуации в Ираке и на арабском Ближнем Востоке и судьбы оккупированных Ираном островов, принадлежащих ОАЭ [14]. Избрание Тегераном стратегии мирных и прагматичных отношений со странами Совета сотрудничества и особенно с ОАЭ имело бы позитивный эффект на укрепление региональной безопасности, а разрешение территориального спора привело бы к значительному улучшению не только политических и экономических отношений, но и отношений в сфере безопасности между Ираном и странами ССАГПЗ, способствуя расширению общего стратегического сотрудничества [19].

В целом, страны Совета сотрудничества следуют прагматичной политике своевременного устранения или, во всяком случае, эффективного сдерживания потенциальных внутренних и внешних угроз для региональной безопасности. Все страны – члены ССАГПЗ сходятся на необходимости укрепления совместных скоординированных структур в сфере обороны в рамках коллективного Пакта об обороне Персидского залива и так называемого «Щита полуострова». Несмотря на то, что желательный консенсус по некоторым важным вопросам еще не достигнут, совместные инициативы в сфере обороны способствуют «как внутреннему сотрудничеству между странами ССАГПЗ, так и межведомственной кооперации на уровне общих структур» [11, р. 148]. Вместе с тем, Соединенные Штаты, сохраняя свой статус единственной в пределах региона сверхдержавы, продолжают играть существенную роль в усилении оборонных возможностей стран ССАГПЗ и поддержании системы безопасности в будущем. В этих условиях естественно предположить, что в отношениях между США и арабскими нефтедобывающими монархиями особое внимание будет уделяться борьбе с терроризмом. Необходимо, впрочем, отметить, что после событий 11 сентября в двусторонних отношениях сохраняется определенная напряженность: американская оккупация Ирака вызвала волну антиамериканских настроений, охвативших все общественные слои в арабских монархиях Персидского залива. Неприязнь в странах ССАГПЗ вызывает также и активная поддержка США Израиля [21, р. 124]. Для США, в то же время, жизнеспособность стратегического партнерства со странами ССАГПЗ напрямую зависит от эффективного решения проблем региональной безопасности в пользу последних. В основе американской стратегии в регионе Персидского залива, согласно официальному заявлению Вашингтона, лежит принцип